

СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

А.А. Кара-Мурза

КУЛЬТУРА, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И «НОВОЕ ВАРВАРСТВО»: ИСТОРИСОФСКИЕ ПРОЗРЕНИЯ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

В статье исследуется эволюция философско-исторических взглядов Н.А. Бердяева (1874–1948) в первые месяцы Первой мировой («Второй Отечественной») войны. Согласно общей концепции автора статьи, философская публицистика (в частности, в России) является не трансляцией, «упрощением» уже готовой философии, а, напротив, способом *восхождения к философии* – за счет все более отчетливой кристаллизации рождающихся в публицистике философских смыслов. В этом контексте автор статьи, используя метод *аналитического сгущения* некоторых фрагментов интеллектуального творчества Бердяева, исследует его тексты 1914–1915 гг. с точки зрения их «возгонки» от актуальной патриотической публицистики (построенной на принципах русофильской культурной самоапологии) – к высотам историософского и философско-культурологического мышления, исходящего из методов аналитического критицизма и цивилизационной самокритики.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, культура, цивилизация, «новое варварство», Первая мировая война, «германизм», патриотизм

Для цитирования: Кара-Мурза А.А. Культура, цивилизация и «новое варварство»: историософские прозрения Николая Бердяева // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 2. С. 5–20.

Введение

Острое философское умозрение является одной из высших форм личностного самовыражения. Эта способность дана очень немногим, да и этих редких счастливых посещает, увы, нерегулярно. Николаем Александровичем Бердяевым (1874–1948), 150-летний юбилей которого мы отметили в марте 2024 г., уникальное свойство *философствовать* овладевало на удивление часто, и в этом, конечно, проявились как его врожденная (если не сказать, «патологическая») чувствительность, так и исключительная способность постоянно перенастраивать свой мыслительный аппарат и держать его наготове в чутком ожидании, «подкарауливании» новых приступов творчества.

Философствование – неравномерный, «пульсирующий» феномен. Оно вызревает спонтанно и снизу, из менее строгих форм самовыражения (например, идеологизированной оперативной публицистики), и является особо рафинированным продуктом дисциплинирования, сжатия и понятийной кристаллизации человеческой мысли¹.

Эта статья является опытом *аналитического сгущения* некоторых фрагментов интеллектуальной биографии Н.А. Бердяева; в ней анализируются тексты Бердяева в их восхождении от актуальной реактивной публицистики к высотам историософского и философско-культурологического мышления в драматичнейший для самого автора, всей России, да и мира в целом период – в начальные месяцы Первой мировой (или «Второй Отечественной») войны.

Бердяев о «германизме» и «немецчине» как варварстве внешнем и внутреннем

Первой большой публикацией, выразившей отношение Н.А. Бердяева к вспыхнувшему летом 1914 г. мировому пожару, стала его статья «Война и возрождение» в праволиберальном «Утре России» Павла Рябушинского от 17 августа. Согласно Бердяеву, развязанная Германией война есть дерзкая атака «внутреннего варварства» на изнежившуюся и изолгавшуюся европейскую цивилизацию: «Европа давно уже превратилась в огнедышащий вулкан, прикрытый поверхностным и обманным покровом мирной буржуазной жизни. Европейский мир был лживый, иллюзорный мир... Разразившаяся мировая катастрофа, невиданная еще в истории, есть неизбежное, оздоровляющее вскрытие гнойного нарыва...»².

Надо заметить, что к середине 1910-х гг. само понятие «цивилизация» давно утратило для Бердяева свой изначальный положительный смысл. В апреле 1907 г. Бердяев признавался в письме к Д.В. Filosoфову, что своим критическим отношением к «злу современности» он обязан Л.Н. Толстому: «По нраву, по инстинктам, по складу природы я в гораздо большей степени русский помещик “средне-вещного” толстовского круга, чем “литератор”. Я русский барин, с детских лет задумавшийся над вопросом о смысле жизни и искавший Бога. Вот почему отрицание социального зла для меня было связано в юности не с революционизмом разночинцев, а с Толстым; *толстовство в широком смысле мне родина* (курсив мой. – А.К.)...»³. И позднее, в своих крупных сочинениях, Бердяев писал, что его «очень раннее убеждение в том, что *в основе цивилизации лежит неправда* (курсив мой. – А.К.)..., что все окружающее общество построено на лжи и несправедливости, связано с Л. Толстым»⁴.

¹ См.: Кара-Мурза А.А. Философия в России и русская философская публицистика // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 17–23.

² Бердяев Н.А. Война и возрождение // Утро России. 1914. 17 августа. № 192.

³ Письма Николая Бердяева // Минувшее. Исторический альманах. 1990. № 9. С. 308–309.

⁴ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. С. 10. Интересный опыт «аналитической реконструкции» становления этики Бердяева представлен в работе: Жукова О.А. Парадоксы религиозного сознания: Лев Толстой в философской критике Николая Бердяева // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 52–63.

Судя по неоднократным отсылкам (например, в «Смысле творчества», а потом и в «Философии неравенства»), Бердяеву была хорошо известна и внутренне близка книга прямого последователя Толстого, английского философа и педагога Эдварда Карпентера «Цивилизация, ее причины и излечение»⁵, которая была переведена на русский язык по инициативе Толстого, высоко ценившего критику Карпентером «современного прогресса». Не могло пройти мимо Бердяева и обширное предвоенное интервью Э. Карпентера на тему «кризиса цивилизации», данное английским мыслителем в 1913 г. корреспонденту «Русской мысли», издаваемой в Петербурге коллегой Бердяева, Петром Струве⁶.

Бердяев, по-видимому, впервые лично пережил глубинное различие между «цивилизацией» и «культурой» в августе-сентябре 1904 г. Тогда он некоторое время лечился на швейцарских курортах, а затем несколько дней провел в шумной и космополитичной Женеве, где в первых числах сентября участвовал во 2-м Международном философском конгрессе. Из Женевы он поездом приехал во Флоренцию, где был буквально потрясен тем, что потом назовет «воплощенной культурой». 13 сентября (н. ст.) он писал из Флоренции своей будущей жене, Л.Ю. Рапп (урожд. Трушевой): «Приехал сюда из Женевы, где жизнь так светлива, где видел так много людей. Это сильный контраст... Уже несколько дней я вне жизни, вне современности, вне людей. Точно меня перенесли в далекое прошлое, и я живу его красотой. Я буду долго помнить эти дни, когда я соприкасался “мирам иным”, когда так бесконечно далека была от меня суeta жизни и так близки были тени Данте, Савонаролы, Боттичелли, Леонардо да Винчи, Микельанджело»⁷. Семь лет спустя, в 1911–1912 гг., Бердяевы уже вместе пережили во Флоренции новое «культурное погружение»⁸.

В первые месяцы мировой войны Бердяев уверился сам и убеждал других, что только решительная победа союзников в давно вызревавшем мировом катаклизме способна излечить от внутренних болезней не только западную цивилизацию, но и родное Отечество: «Что-то дурное и злобное застоялось в России, и в ней началось уже омертвление и гниение. Мирное развитие стало невозможно в России. Только катастрофа может обновить и возродить русский характер, направить русскую волю на великие дела»⁹.

⁵ Карпентер Э. Цивилизация, ее причины и излечение. СПб., 1906. Вот что, например, писал Э. Карпентер в Предисловии к книге: «Мы переживаем теперь несколько странное состояние, которое мы называем цивилизацией и которое даже людям, настроенным наиболее оптимистически, кажется желательным далеко не во всем его объеме. В самом деле, некоторые из нас склонны думать, что это нечто вроде болезни, которой неизбежно должно переболеть человечество... Но, если это болезнь, необходимо заметить, что... мы не знаем ни единого случая выздоровления нации и ее перехода к более здоровому и нормальному состоянию... Развитие человеческого общества, насколько нам известно, ни разу еще не переступило некоторой определенной и, по-видимому, заключительной стадии в процессе, который мы зовем цивилизацией; на этой стадии оно или погибало, или оставалось (курсив везде мой. – А.К.)» (Там же. С. 6–7).

⁶ См.: Раппорт С.И. Э. Карпентер. Письмо из Англии // Русская мысль. 1913. Кн. 9 (сентябрь). С. 73–99.

⁷ Письма молодого Бердяева // Память. Исторический сборник. Вып. 4. М.; Париж, 1981. С. 234–235.

⁸ Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Флоренции. М., 2001. С. 205–219.

⁹ Бердяев Н.А. Война и возрождение. Частная переписка Бердяева того времени подтверждает настроения, изложенные в статье. Вот характерный отрывок из его письма

Агрессивный «германизм», любивший рядиться и современным, и респектабельным, есть, согласно Бердяеву, всего лишь выплеск примитивной архаики: «Под высококультурным обликом германизма чувствуется старый варвар – германец, не желающий знать подлинных культурных традиций и преданий... Германский милитаризм есть пребывающее и вооруженное культурной техникой германское варварство. Прусский юнкер, эстетически заверченный в лице императора Вильгельма, – *варвар, принявший лишь внешнюю цивилизацию* (курсив мой. – А.К.)»¹⁰.

Рассуждения Бердяева об использовании «новыми варварами»¹¹ достижений современной цивилизации являются, конечно, развитием давнишней сентенции А.И. Герцена о «Чингисхане с телеграфом». Еще в 1857 г. эмигрант «Искандер» употребил это выражение в «Открытом письме» из Лондона к новому русскому императору Александру II с целью моральной и политической реабилитации, казалось, необратимо проигравшего три десятилетия назад русского «декабризма». «Если б у нас весь прогресс совершался только в правительстве, – с печальной иронией писал Герцен, – мы дали бы миру еще небывалый пример самовластья, вооруженного всем, что выработала свобода; рабства и насилия, поддерживаемого всем, что нашла наука. Это было бы нечто вроде *Чингисхана с телеграфами, пароходами, железными дорогами* (курсив мой. – А.К.)»¹².

В октябре 1914 г. в том же московском «Утре России» была опубликована новая статья Бердяева «Современная Германия»¹³, формально явившаяся развернутой рецензией на одноименную свежую книгу сорбоннского профессора Анри Лихтенберже (Lichtenberger), права на перевод которой были куплены сразу двумя русскими издательствами еще на стадии рукописи¹⁴. В книге французского профессора, полагал Бердяев, можно отыскать ответы на вопросы, которыми ныне озабочен мир: «Почему немцы оказались такими варварами, дикими разрушителями культуры, чуждыми всякого уважения к праву?.. Что же случилось с германской расой, что за страшная нравственная болезнь поразила ее?»¹⁵.

Ответ на эти вопросы, был уверен Бердяев, кроется в осознании непреодолимого разрыва между вершинами немецкой мысли, высочайшими

М.О. Гершензону от 22 июля 1914 г. (Бердяевы жили тогда в имении Бабаки близ Люботина Харьковской губернии): «Я переживаю этот мировой пожар, как провиденциальный и неизбежный, и, вероятно, мы (и весь мир) выйдем из него возрожденными. Подлинный мир может быть достигнут лишь через войну. Буржуазный мир ничего не стоит, был ложью. Сейчас моя душа жаждет победы России над немцами» (Бердяев Н.А. Письма к М.О. Гершензону // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 124).

¹⁰ Бердяев Н.А. Война и возрождение.

¹¹ Актуализацию понятия «новое варварство» я отношу и к своим заслугам. См.: Кара-Мурза А.А. Социальная деградация как феномен исторического процесса (проблема «нового варварства» в философско-историческом контексте). Дис. ... д. филос. н. М., 1994. Позднее «российские» фрагменты этого текста были опубликованы в виде отдельной монографии (Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995).

¹² *Искандер* [Герцен А.И.]. Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа) // Колокол. 1857. 1 октября. С. 28.

¹³ Бердяев Н.А. Современная Германия // Утро России. 1914. Октябрь. № 255.

¹⁴ См.: Лихтенберже А. Современная Германия. Пг.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1914 (пер. с фр. Р.М. Марголиной); То же. М.: Изд-во Сабашниковых, 1914 (пер. с фр. Н. Попова).

¹⁵ Бердяев Н.А. Современная Германия.

образцами немецкой философии и литературы – и абсолютной «непросветленностью» основной «массы». «Немец по природе груб и нравственно ограничен, в нем нет великодушия и сострадания, нет избыточной нравственной энергии... Полное пренебрежение ко всему материальному у немецких мыслителей обратной своей стороной имеет торжество неодухотворенной материальности у немецкой массы»¹⁶. Эта «хлынувшая на мир тевтонская масса», продолжает Бердяев, «оказалась без нравственной и религиозной опоры, она предоставлена варварским инстинктам и насильническим вожделениям»: «Лютеранство все более рационализируется и вырождается... А все величие Канта и Гегеля не может помочь германскому народу стать на высоту человечности, когда его воля к власти и насилию расковала хаотические стихии»¹⁷.

Итак, согласно тогдашнему Бердяеву, Германия, в ее *тевтонском обличе*, закономерно проявила себя главным источником «нового варварства». Антигерманистский пафос Бердяева был замечен редакцией петроградских «Биржевых новостей» (газету с 1880 г. издавал венгр-русофил С.М. Проппер), которая с удовольствием предоставляла свои страницы под ультрапатриотические публикации деятелей русской культуры¹⁸. Как едко заметил русско-польский журналист И.И. Кольшко, «с 1914 г. в России не было более воинственного патриота, как Проппер. Даже суворинское “Вечернее время”... склонилось перед усердием “венгерца”... Для “Биржевки” вновь наступили золотые дни...»¹⁹.

Центральной мыслью статьи Бердяева «Футуризм на войне», опубликованной в «Биржевых новостях» в конце октября 1914 г., стала та, что мимикрия древнего варварского германизма под некую *футуристичность* делает его новейшую реинкарнацию особо опасной. «Нынешняя футуристическая война, – писал Бердяев, – колеблет органически-священные основы жизни. Ближайшим результатом этого сотрясения органических традиций, культурных навыков является *частичная варваризация человечества* (курсив мой. – А.К.). Эта варваризация в полной мере сказалась у немцев, обладающих самой “передовой” и усовершенствованной армией, технически наиболее вооруженной. Мы присутствуем при знаменательном явлении варварства на почве роста ложной цивилизации. У германцев исконная варварская грубость, присущая их расе, соединилась с варварством от цивилизации»²⁰.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Среди авторов хлестких антинемецких статей, помещенных в те дни в «Биржевке», были поэт и художественный критик Сергей Маковский («Стратегия вандалов», 21 августа 1914 г.); известный юрист и политик Владимир Кузьмин-Караваев («Кичливые дикари», 29 августа); писатель и драматург Федор Сологуб («Мира не будет», 30 октября) и др. (подр. см.: *Вахненко Е.Е.* Редакционная политика газеты «Биржевые ведомости» в контексте исторического слома (июль 1914 – октябрь 1917 года) // *Сибирский филологический журнал.* 2019. № 4. С. 101–115).

¹⁹ *Кольшко И.И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 219.

²⁰ *Бердяев Н.А.* Футуризм на войне // *Биржевые ведомости.* 1914. 26 октября. № 14456. В позднейшей русской публицистике вариации на герценовско-бердяевскую тему «*варвара в цивилизованном обличе*» получили новое развитие. Коллега и друг Бердяева, философ-веховец С.Л. Франк, сполна испытавший ужасы новейшего гитлеровского «германизма», писал в книге «Свет во тьме» (1949), посвященной памяти их общего друга П.Б. Струве: «Сто лет тому назад проницательный русский мыслитель Александр Герцен

Общий смысл публикаций Бердяева первых военных месяцев ясен и прямолинеен: русской органической культуре брошен вызов со стороны агрессивного «германистского» варварства. Но у России есть все шансы устоять и победить в этой борьбе: «Как ни много у нас еще дикости, но у русского народа есть своя органическая религиозная культура (Бердяев опять говорит именно о “культуре”, а не о “цивилизации”. – А.К.), преемственная, через церковь связанная с греческим миром. У нас есть народная христианская совесть»²¹. Бердяев, конечно, не исключал рецидивов «нового варварства» и в самой России, но эти риски до поры виделись ему несущественными: «Германия учит нас тому, чего не должно быть у нас. *Не дай Бог нам следовать по путям немецкой культуры... У нас есть собственные пути культуры, более праведные, собственные великие потенции (курсив везде мой. – А.К.)*»²².

Итак, Бердяев образца лета-осени 1914 г. еще твердо уверен, что элементы «внутреннего варварства» в России если и наличествуют, то связаны исключительно с *внешним влиянием* (когда-то в этой роли выступали «монголизм» и «татарщина»), искажающим аутентично-русскую органику культуры. В новейшее время эту функцию принял на себя все тот же «германизм»: эту его ипостась Бердяев называл *русской неметчиной*.

«Империализм, национализм, бюрократизм, – писал Бердяев в статье “Война и возрождение”, – все это свойства, привитые русскому народу извне, и немалую роль тут сыграла немецкая прививка. Немцы сыграли роковую роль в нашей внутренней истории, они были *вражеским нашествием в внутренний организм русского народа*, они исказили нашу государственность, механизировали и бюрократизировали ее... Эта бюрократическая неметчина хуже татарщины калечила жизнь русского народа. *Неметчина напала на нас извне, как кара за грехи нашей внутренней неметчины, исказившей наш национальный лик* (курсив везде мой. – А.К.)»²³.

«Внешнее нашествие немцев, угрожающее чести России, – надеется Бердяев в статье “Война и возрождение”, – освободит нас от внутренней неметчины и поможет создать государственность, более согласную с духом русского народа»²⁴. «Мировая война, – развивает он ту же мысль в работе “Современная Германия”, – освободит не только от немецкой силы, но и от немецкого духа... Новая отечественная война освободит нас от чужеземного нашествия внешнего и внутреннего и поможет нам выявить наш чистый дух»²⁵.

предсказывал нашествие “Чингисхана с телеграфами”. Это парадоксальное предсказание оправдалось в масштабе, которого не мог предвидеть Герцен. Новый Чингисхан, родившийся из недр самой Европы, обрушился на нее воздушными бомбардировками, разрушающими целые города, газовыми камерами для массового истребления людей и грозит теперь смести человечество с лица земли атомными бомбами» (Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. Минск, 2011. С. 32). Ход рассуждений Франка повторяет логику Бердяева тридцатилетней давности: «Так называемый культурный человек внезапно оказался обманчивым призраком; реально он обнаружил себя неслыханно жестоким, морально слепым дикарем, культурность которого выразилась только в одном – в изысканности и усвершенствовании средств истязания и убийства ближних» (Там же).

²¹ Бердяев Н.А. Современная Германия.

²² Там же.

²³ Бердяев Н.А. Война и возрождение.

²⁴ Там же.

²⁵ Бердяев Н.А. Современная Германия.

Сейчас, конечно, трудно в полной мере реконструировать и рельефно представить весь спектр причин досадной одномерности и прямолинейности бердяевской публицистики первых военных месяцев. Здесь, очевидно, сошлось все: и характерные для автора сверхчувствительность и экзальтированность; и его оторванность в малороссийской глубинке от центров умственной жизни; и явные материальные проблемы, подчас вынуждающие подлаживаться под запросы таких изданий, как «Биржевые ведомости» (при том, что статьи Бердяева часто и довольно бесцеремонно цензурировались) и т.д. Недруги и даже некоторые друзья в те первые военные месяцы не раз укоряли Бердяева в «приливе шовинизма», в «сотрудничестве с желтой прессой», в «неразборчивости» и т.п.²⁶ Трудно оспорить характеристику, данную искренним другом Бердяева – Евгенией Герцык: «Любовь к России, как вино, ударила ему в голову...»²⁷.

Подчеркнем, однако, главное: на рубеже 1914–1915 гг. в Николае Александровиче Бердяеве, не останавливаясь, шла *интенсивнейшая мыслительная работа*, которая очень скоро дала выдающиеся по своей интеллектуальной значимости плоды.

Бердяев об отечественной культуре и ее «европейских союзниках»

Задолго до мировой войны у Н.А. Бердяева сложились вполне определенные приоритеты относительно соотношения русской и европейской культур в двух ее вариантах – романо-католической и германской (протестантской по-преимуществу). В Бердяеве, как хорошо известно, текла в том числе французская кровь²⁸, и очевидно, что внутренне он был приурочен к занятию именно антигерманистской позиции во внутриевропейском конфликте.

Привитые матерью католические симпатии не раз давали себя знать в полной событийности биографии Бердяева. Еще в сентябре 1904 г., сутками напролет наслаждаясь галереями и церквями Флоренции, Бердяев писал будущей жене Лидии Юдифовне: «Сегодня слушал богослужение в храме S. Annunziata, украшенном фресками, представляющими чудо искусства, слушал звуки органа и понял великую власть католицизма над человеческими душами, от которой и до сих пор оно не может освободиться. Никогда, никогда рационалистический социализм не будет так могуч и прекрасен. Рационализм ведет нас в царство разума, ясное, устроенное, убившее “сказку”, а в “сказке” вся красота жизни. Во Флоренции я примирился с Западной

²⁶ См., напр., переписку Р.И. Иванова-Разумника и Андрея Белого (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 65–67 и др.).

²⁷ Герцык Е. Воспоминания. Париж, 1973. С. 133.

²⁸ В «Самопознании» Бердяев писал: «В доме у нас говорили главным образом по-французски... Мать моя была рожденная княжна Кудашева. Она была полуфранцуженка. Ее мать, моя бабушка, была графиня Шуазель. В сущности, мать всегда была более француженка, чем русская, она получила французское воспитание, в ранней молодости жила в Париже, писала письма исключительно по-французски и никогда не научилась писать грамотно по-русски, будучи православной по рождению, она чувствовала себя более католичкой и всегда молилась по французскому католическому молитвеннику своей матери» (Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н. Смысл истории. Русская идея. Самопознание: Фило-софские труды. СПб., 2022. С. 414).

Европой... Как бы я хотел перенести тебя в эти храмы, ты ведь так любишь католические храмы (курсив везде мой. – А.К.)»²⁹.

В вышедшей в 1912 г. монографии, посвященной мэтру русского славянофильства Алексею Степановичу Хомякову, Бердяев писал: «Грех Хомякова... в том, что он с нелюбовью относился к католичеству... и питал антипатию к романским народам...»³⁰ Хомяков всегда отдавал предпочтение Германии перед странами романскими. Думаю, что в этом он допустил огромную ошибку по отношению к идеалам России и славянства (курсив мой. – А.К.). Германия – носительница идеалов пангерманизма, глубоко враждебных идеалам панславизма. Германия имеет всемирно-историческое стремление германизировать славянство, привить ему свою культуру. Германизм – одна из исторических опасностей для России и славянства, подобно опасности панмонголизма. Со странами романскими нам делить нечего»³¹.

«Католичество, – продолжает Бердяев в книге о Хомякове, – органически ближе православию, чем протестантство, а романские народы ближе русским и славянам, чем народы германские. Мировая православно-славянская политика должна быть политикой сближения с католическими и романскими странами и народами. Мы достаточно уже пострадали от того, что наша историческая власть германизовалась, онемечилась, а в нашу религиозную жизнь и духовную культуру незаметно прокрался протестантский рационализм»³².

В уже цитированной статье-рецензии «Современная Германия» Бердяев наметил первые контуры будущей «типологии» европейских ментальностей, где агрессивные «германские варвары» исторически противопоставляются «культурным» (хотя и неоднородным) нациям Европы: «Немец, – писал Бердяев, – принадлежит к варварской расе тевтонов, некогда нахлынувших на латинскую культуру Европы... В нем нет утонченности и нервности французов, сострадания и какого-то мирового печалования русских...»³³.

Друг семьи Бердяевых, Е.К. Герцык вспоминала, что именно осенью 1914 г. у Николая Александровича «обострился интерес к вопросам национальностей»: «Не так, как у славянофилов или тогдашних эпигонов их, чувствующих только одну свою народность – он же остро вникал в особенности каждой нации»³⁴. Важнейшим опытом культурфилософского анализа явилось тогда эссе «Судьба Парижа», опубликованное в «Биржевых ведомостях» 22 ноября 1914 г. и впоследствии открывшее III раздел («Души

²⁹ Письма молодого Бердяева. С. 235. Известно, что Лидия Юдифовна Бердяева воспитывалась во франкофонной семье, в юности совершенствовалась во французском языке в швейцарской Лозанне, некоторое время до первого замужества жила в Париже. В июне 1918 г. она официально приняла католичество.

³⁰ Эта позиция, вероятно, была навеяна Бердяеву его вторым итальянским путешествием в конце 1911 – начале 1912 гг. Во всяком случае, в его более ранних работах о Хомякове никаких обвинений последнего в «антироманизме» не было (см.: Бердяев Н.А. А.С. Хомяков как философ. К столетию со дня рождения // Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. Опыт философии, социальные и литературные. 1900–1906. СПб., 1907. С. 191–197).

³¹ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М., 1912. С. 227–228.

³² Там же. С. 228.

³³ Бердяев Н.А. Современная Германия.

³⁴ Герцык Е. Воспоминания. С. 133.

народов») сборника «Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности» (1918)³⁵.

До Первой мировой войны Н.А. Бердяев был в Париже лишь однажды – в марте 1908 г.³⁶ Удивительным образом, имеется описание именно той, «бердяевской», весны – в книге воспоминаний о Д.С. Мережковском его жены Зинаиды Гиппиус (эта талантливая зарисовка следует в мемуарах сразу после рассказа об общении с Бердяевыми): «Очаровательны парижские весны. Не знавший Париж до войны 14-го года, не видал его настоящего, живого, веселого, главное – веселого, в каждом гавроше, насвистывающем все один и тот же мотив (тогда – *кэк-уок*), в мягком звоне бубенчиков, в пенье соловьев в густом тогда парке Muette, веселого даже в нелепом Трокадеро с его водопадами и каменными животными, в незамысловатых “девочках” на Boule-Miche [бульваре Сен-Мишель] и в Rat Mort [кабаре “Дохлая крыса” на площади Пигаль], веселого в разнообразных уличных запахах и переливных огнях»³⁷.

Схожим настроением (но, конечно, уже по-военному тревожным) проникнуто парижское эссе Бердяева 1915 г.: «Париж – живое существо, и существо это – выше и прекраснее современных буржуазных французов... Это единственный современный, новый город, в котором есть красота и обаяние нового и современного... В одном Городе Париже есть красота сегоднешнего дня, красота двоящаяся, быть может призрачная и возмущающая, но все же красота. Париж – магический Город, – в нем сосредоточилась вся магия современного большего Города, вся его притягательность и все его зло»³⁸.

В постепенно складывающемся в военные годы историософском «пазле» Бердяева Париж являет пример почти ирреального органичного совмещения «старой культуры» и «новой цивилизации». Но, как всякий *unicum*, Париж – феномен хрупкий и неустойчивый: «В современной Франции чувствуется какая-то хрупкость, усталость от большой своей истории, в которой совершено много великого и героического, чувствуется истощение. Современный француз и слишком утончен, и слишком испорчен мещанским довольством, расслаблен жаждой наслаждений и любовью к женщине»³⁹.

Всякий культурный европеец, в том числе европеец русский, уверен Бердяев, сердцем чувствует эту *единственность* и, стало быть, *всемирность* Парижа. Вот почему нависшая в 1914 г. над столицей Франции «тевтонская угроза»⁴⁰ стала вызовом всему культурному человечеству: «Когда германцы подступили к Парижу... многие сердца на земле испытали жуткое волнение

³⁵ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 153–159.

³⁶ Той весной Бердяев, вместе с Лидией Юдифовной Рапп (Бердяевой она официально станет только в 1909 г.), гостили у ее сестры Евгении, жившей в Париже с мужем, юристом и членом партии эсеров Е.И. Раппом. Бердяевы почти ежевечерне посещали тогда «салон Мережковских» на rue Theophile Gautier в районе Auteuil в 16-м округе Парижа.

³⁷ Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 185.

³⁸ Бердяев Н.А. Судьба Парижа // Биржевые ведомости. 1914. 22 ноября. № 14510.

³⁹ Там же.

⁴⁰ К концу первой недели сентября 1914 г. немцы, ранее неожиданно быстро захватив Бельгию, подошли на расстояние 30 км от собора Нотр-Дам де Пари. Правительство и парламент Франции были эвакуированы в Бордо, а шедевры Лувра – в Тулузу.

и беспокойство. Готовился удар не только в сердце Франции, но и в сердце нового человечества. И от раны, нанесенной Парижу, кровью облилась бы не одна Франция, но и все культурное человечество... И жутко было за Париж, страшно за Францию. Многие русские почувствовали Францию родной и жаждали помочь ей своей силой, поддержать ее»⁴¹.

«Непосредственная опасность для Парижа миновала в значительной степени, благодаря нашим победам, – справедливо пишет Бердяев⁴². – Франко-русский союз, дипломатический и государственный переживается теперь нами глубоко сердечно, душевно, народно. В нашем союзе с Францией есть что-то более глубокое, чем расчеты международной политики... Спасение Франции – одна из великих, мировых задач России»⁴³.

А 23 мая 1915 г. произошло еще одно, крайне воодушевлившее романиста Бердяева событие: любимая им Италия отказалась от политики нейтралитета и официально примкнула к Антанте, объявив войну главному союзнику Германии – Австро-Венгерской империи. Бердяев, конечно, был не настолько изолирован от реалий политики, чтобы не понимать, что выбор королевского двора Виктора Эммануила III в пользу союзников и своих итальянских «ястребов» (среди которых набирал силу амбициозный социалист Бенито Муссолини) и против «голубей-нейтралитетов» (во главе с отставленным премьером Джолитти) был результатом сложнейшего тайного торга и щедрых посулов Италии со стороны союзников, в том числе России. Но его как социального мыслителя воодушевило то, что, в полном соответствии с его культурфилософской схемой, Италия – старейшая страна романо-католического мира – присоединилась к «союзу культурных народов» против ненавистного «тевтонства» как воплощения поднявшегося со дна деградирующей цивилизации «новейшего варварства».

«Большая радость для нас, радость не только государственная, но и душевная и культурная, что Италия с нами», – с этих слов начинается статья «Чувство Италии», опубликованная в «Биржевых новостях» 2 июля 1915 г.⁴⁴ Для Бердяева именно Италия – концентрат и оплот культуры, сопротивляющейся нашествию механической, обездушенной и нивелирующей «цивилизации». Именно культурой Италии, согласно Бердяеву-философу, во многом спасается и культура русская: «Нигде русский не чувствует себя так хорошо, как в Италии. Только в Италии не чувствует он давление и гнета враждебной мещанской цивилизации Западной Европы (курсив мой. – А.К.), не чувствует на себе самодовольного презрения людей, лучше устроившихся и навязывающих свои нормы жизни, – презрения, столь отвратительного нам жизнь в других странах Европы»⁴⁵.

Приобщение к культуре Италии, полагает Бердяев, позволяет устоять и укрепиться любой культуре, в том числе русской, с трудом пробивающейся

⁴¹ Бердяев Н.А. Судьба Парижа.

⁴² Ранней осенью 1914 г. Россия бросилась на выручку союзной Франции, даже не закончив полной мобилизации. Впоследствии маршал Фердинанд Фош, командующий всеми силами Антанты на западном фронте, признал: «Если Франция не была стерта с карты Европы, то этим мы прежде всего обязаны России» (цит. по: Будберг А.П. Вооруженные силы Российской империи в исполнении общесоюзных задач и обязанностей во время войны 1914–17 гг. Париж, 1939. С. 3).

⁴³ Бердяев Н.А. Судьба Парижа.

⁴⁴ Бердяев Н.А. Чувство Италии // Биржевые ведомости. 1915. 2 июля. № 14940.

⁴⁵ Там же.

из гораздо менее благоприятного природно-социального контекста: «Мы – люди севера, любим близость итальянцев к солнцу. Так тяжела была наша история и так труден характер нашей расы, что мы почти не знаем свободной игры творческих сил человека. И нас пленяет в итальянском народе этот избыток свободных творческих сил»⁴⁶. «Русское чувство Италии» со времен Гоголя стало важнейшим и неотъемлемым компонентом отечественной культуры: «Любим мы у итальянцев то, что не похоже на нас, что нас дополняет. Мы любим в итальянцах дар переживания радости жизни, которого мы, русские, почти лишены. Мы – тяжелые, всегда ощущающие бремя жизни и мировую ответственность, любим легкость итальянцев»⁴⁷.

В своем эссе «Чувство Италии» (делающем честь «Биржевым ведомостям», эволюционировавшим, вместе с лучшими русскими авторами, от прямолинейной идеологизированной публицистики к печатанию высококачественной историософии) Бердяев достигает вершин цивилизационной самокритики – неотменимого залога *философствования* в подлинном смысле этого понятия: «Италией лечим мы раны нашей души, истерзанной русской больной совестью, вечной русской ответственностью за судьбу мира, за всех и за вся... Исключительная этичность русской души ищет себе дополнение в исключительной эстетичности души итальянской. Италия обладает таинственной и магической силой возродить душу, снимать тяжесть с безрадостной жизни»⁴⁸.

Однако именно в Италии, полагает Бердяев, как нигде остро ощущается драма столкновения «вечности культуры» и «пошлости цивилизации»: «Любовь наша всегда была направлена на старую и вечную Италию, а не на Италию новую и временную. Наслоение современного Рима, Рима последних десятилетий, памятник Виктору Эммануилу, квартал Людовизи⁴⁹ и пр., придавившие более глубокие слои Рима античного, средневекового, Рима Возрождения и барокко, шокируют и отталкивают»⁵⁰.

Заключение

Глубокое погружение в занятия историософией и культурфилософской компартивистикой позволили со временем Н.А. Бердяеву гораздо более трезво взглянуть и на «германский вопрос». Значительно раньше, чем большинство его пишущих коллег, он открыто объявил «слепой прямолинейностью» и «отвлеченным сокрушением германизма» попытки некоторых

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Помпезный ново-римский «Алтарь отечества» – памятник объединителю страны Виктору Эммануилу II, занявший весь зачищенный под «новодел» северный склон Капитолия (во времена Бердяева его все еще продолжали строить), едко высмеяли многие «русские римляне» (Борис Зайцев, Михаил Осоргин и др.). Что касается инвектив в адрес «квартала Людовизи» на севере Рима, то здесь Бердяев, похоже, имеет безусловный приоритет. И этому есть объяснение. Именно в этом новом и достаточно близком квартале Бердяевы имели неосторожность поселиться зимой 1911–1912 гг. – в дешевом немецком пансионе (где, по свидетельству Е. Герцык, по утрам вместо кофе давали «какую-то бурду» (*Герцык Е. Воспоминания. С. 133*), да еще с названием «Kaiser» (!). Похоже, при всем пиетете к «Вечному городу», Бердяев в годы войны с Германией (с тем самым «кайзером») не мог не вспоминать о своем житье в «новом Риме» без доли досады.

⁵⁰ Бердяев Н.А. Чувство Италии.

литераторствующих современников⁵¹ напрямую выводить новейшее «германское варварство» из традиций немецкой философии.

«В этих разгадываниях тайны современной Германии, – с философской иронией писал Бердяев в статье “Ницше и современная Германия”, опубликованной в “Биржевых новостях” 4 февраля 1915 г., – каждый начал сводить свои счета, начал взваливать вину на те явления духа, которые вообще считал враждебными и ложными. Виновниками всех безобразий оказывались то Лютер и протестантизм, то Кант и критическая философия, то Маркс и экономический материализм, то Ницше и учение о сверхчеловеке. Иные даже доходят до старой германской мистики и уже в Экхартте видят семя того, что раскрылось окончательно в нынешнюю мировую войну»⁵².

А главная мысль следующей статьи Бердяева («Эпигоны славянофильства»), опубликованной в «Биржевке» две недели спустя, состояла в том, что «в настоящее время такой дует ветер, что очень легко быть славянофилом и националистом», а потому «погром немецкой философии сейчас может быть слишком улично популярен»⁵³. По мнению Бердяева, его оппоненты, пусть даже из лучших патриотических побуждений, допускают серьезную ошибку, уже не раз подводившую отечественную мысль: они, по словам Бердяева, «чувствуют родину исключительно как мать, т.е. хотят любить ее безответственно»⁵⁴. Но родина, уверен автор, «есть дитя», и в этом Бердяев снова следует любимому им Герцену: «Только любовь к родине, как дитяте, есть любовь ответственная, любовь мужественная и творческая... Любовь к родине-дитяте связана с нашим мужественным сознанием и с нашей творческой активностью»⁵⁵.

Этому принципу Николай Александрович Бердяев старался следовать всю свою последующую жизнь, что и вывело его со временем в безусловные лидеры профессионального отечественного философствования.

Список литературы

- Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ. А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада и Т.В. Павловой. СПб.: Феникс, 1998.
- Бердяев Н.А. А.С. Хомяков как философ. К столетию со дня рождения // *Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыт философии, социальные и литературные. 1900–1906.* СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1907. С. 191–197.

⁵¹ В настоящей статье автор использовал метод «аналитического сгущения», когда творческое наследие Н.А. Бердяева утрированно «оголяется» и как бы «изолируется» от его современников – в чем-то единомышленников, а в чем-то серьезных оппонентов (С. Булгаков, Вяч. Иванов, В. Эрн, С. Франк, В. Розанов и др.). Возможна, разумеется, и прямо противоположная исследовательская стратегия, когда тот или иной автор (тот же Бердяев или любой другой), напротив, как бы «растворяется» в среде («лагере») единомышленников. Среди удачных примеров такого рода см.: Хеллман Б. Когда время славянофильствовало: Русские философы и Первая мировая война // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia: Проблемы истории русской литературы начала XX века.* Helsinki, 1989. С. 211–239.

⁵² Бердяев Н.А. Ницше и современная Германия // *Биржевые ведомости.* 1915. 4 февраля. № 14650.

⁵³ Бердяев Н.А. Эпигонам славянофильства // *Биржевые ведомости.* 1915. 18 февраля. № 14678.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

- Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М.: Тип. Мамонтова, 1912.
- Бердяев Н.А. Война и возрождение // Утро России. 1914. 17 августа. № 192.
- Бердяев Н.А. Нищие и современная Германия // Биржевые ведомости. 1915. 4 февраля. № 14650.
- Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж: YMCA-Press, 1939.
- Бердяев Н.А. Письма к М.О. Гершензону / Публ. М.А. Колерова // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 119–136.
- Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н. Смысл истории. Русская идея. Самопознание: Философские труды. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 405–726.
- Бердяев Н.А. Современная Германия // Утро России. 1914. Октябрь. № 255.
- Бердяев Н.А. Судьба Парижа // Биржевые ведомости. 1914. 22 ноября. № 14510.
- Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд-во Г.Д. Лемана и С.И. Сахарова, 1918.
- Бердяев Н.А. Футуризм на войне // Биржевые ведомости. 1914. 26 октября. № 14456.
- Бердяев Н.А. Чувство Италии // Биржевые ведомости. 1915. 2 июля. № 14940.
- Бердяев Н.А. Эпигонам славянофильства // Биржевые ведомости. 1915. 18 февраля. № 14678.
- Будберг А.П. Вооруженные силы Российской империи в исполнении общесоюзных задач и обязанностей во время войны 1914–17 гг. Париж, 1939.
- Вахненко Е.Е. Редакционная политика газеты «Биржевые ведомости» в контексте исторического слома (июль 1914 – октябрь 1917 года) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 101–115.
- Герцык Е. Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1973.
- Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951.
- Жукова О.А. Парадоксы религиозного сознания: Лев Толстой в философской критике Николая Бердяева // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 52–63.
- Искандер [Герцен А.И.]. Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа) // Колокол. 1857. 1 октября. С. 28–31.
- Кара-Мурза А.А. Бердяевская Москва // Философские науки. 2014. № 4. С. 65–77.
- Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Флоренции. М.: Независимая газета, 2001.
- Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФ РАН, 1995.
- Кара-Мурза А.А. Социальная деградация как феномен исторического процесса (проблема «нового варварства» в философско-историческом контексте). Дис. ... д. филос. н. М., 1994.
- Кара-Мурза А.А. Философия в России и русская философская публицистика // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 17–23.
- Карпенгер Эд. Цивилизация, ее причины и излечение. СПб.: Изд-во И.Ф. Наживина, 1906.
- Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2009.
- Лихтенберже А. Современная Германия / Пер. с фр. Р.М. Марголиной. Пг.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1914.
- Лихтенбержэ А. Современная Германия / Пер. с фр. Н. Попова. М.: Изд-во Сабашниковых, 1914.
- Письма молодого Бердяева / Публ. Д. Барас // Память. Исторический сборник. Вып. 4. М.; Париж: YMCA-Press, 1981. С. 211–248.
- Письма Николая Бердяева / Публ. Р. Аллоя // Минувшее. Исторический альманах. 1990. № 9. С. 294–325.
- Рапорт С.И. Э. Карпенгер. Письмо из Англии // Русская мысль. 1913. Кн. 9 (сентябрь). С. 73–99.
- Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011.
- Хеллман Б. Когда время славянофильствовало: Русские философы и Первая мировая война // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia: Проблемы истории русской литературы начала XX века / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена. Helsinki: Helsinki University Press, 1989. С. 211–239.

Culture, civilization and the “new barbarism”: the historiosophical insights of Nikolai Berdyaev

Alexei A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

The article examines the evolution of the philosophical and historical views of N.A. Berdyaev (1874–1948) in the first months of the First World War (“Second Patriotic War”). According to the general concept of the author of the article, philosophical journalism (in particular, in Russia) is not a translation, a “simplification” of a ready-made philosophy, but, on the contrary, a way of *ascending to philosophy* – due to the increasingly distinct crystallization of philosophical meanings born in journalism. In this context, the author of the article, using the method of analytical condensation of some fragments of Berdyaev’s intellectual work, examines his texts of 1914–1915 from the point of view of their “elevation” from the actual patriotic journalism (built on the principles of Russophile cultural self-apology) to the heights of historiosophical and philosophical-cultural thinking based on the methods of analytical criticism and civilizational self-criticism.

Keywords: N.A. Berdyaev, culture, civilization, “new barbarism”, World War I, “Germanism”, patriotism

For citation: Kara-Murza, A.A. “Kul’tura, tsivilizatsiya i «novie varvarstvo»: istoriosofskie prozreniya Nikolaya Berdyaeva” [Culture, civilization and the “new barbarism”: the historiosophical insights of Nikolai Berdyaev], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 2, pp. 5–20. (In Russian)

References

- Alloy, R. (ed.) “Pis’mo Nikolaya Berdyaeva” [Letters of Nikolai Berdyaev], *Minuvshee. Istoricheskii al’manakh*, 1990, No. 9, pp. 294–325. (In Russian)
- Baras, D. (ed.) “Pis’mo molodogo Berdyaeva” [Letters of the young Berdyaev], *Pamyat’. Istoricheskii sbornik*, Vol. 4. Moscow; Paris: YMCA-Press, 1981, pp. 211–248. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. *Aleksei Stepanovich Khomyakov*. Moscow: Mamontov Publ., 1912. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “A.S. Khomyakov kak filosof. K stoletiyu so dnya rozhdeniya” [A.S. Khomyakov as a philosopher. On the centenary of the birth], in: N.A. Berdyaev, *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial’nye i literaturnye. 1900–1906* [Sub specie aeternitatis. Philosophical, social and literary experiments. 1900–1906]. St. Petersburg: M.V. Pirozhkov Publ., 1907, pp. 191–197. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “Chuvstvo Italii” [The feeling of Italy], *Birzhevye vedomosti*, 1915, 2 July, No. 14940. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “Epigonam slavyanofil’stva” [Epigones of Slavophilism], *Birzhevye vedomosti*, 1915, 18 February, No. 14678. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “Futurizm na voine” [Futurism at War], *Birzhevye vedomosti*, 1914, 26 October, No. 14456. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “Nitsche i sovremennaya Germaniya” [Nietzsche and modern Germany], *Birzhevye vedomosti*, 1915, 4 February, No. 14650. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. *O rabstve i svobode cheloveka* [About human slavery and freedom]. Paris: YMCA-Press, 1939. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “Pis’mo k M.O. Gershenzonu” [Letters to M.O. Gershenzon], ed. by M.A. Kolerov, *Voprosy filosofii*, 1992, No. 5, pp. 119–136. (In Russian)

- Berdyayev, N.A. "Samopoznanie" [Self-knowledge], in: N.A. Berdyayev, *Smysl istorii. Russkaya ideya. Samopoznanie: Filosofskie Trudy* [The meaning of the history. The Russian idea. Self-knowledge: Philosophical works]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus Publ., 2022, pp. 405–726. (In Russian)
- Berdyayev, N.A. "Sovremennaya Germaniya" [Modern Germany], *Utro Rossii*, 1914, October, No. 255. (In Russian)
- Berdyayev, N.A. "Sud'ba Parizha" [The fate of Paris], *Birzhevye vedomosti*, 1914, 22 November, No. 14510. (In Russian)
- Berdyayev, N.A. *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voiny i natsional'nosti* [The fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality]. Moscow: G.D. Leman & S.I. Sakharov Publ., 1918. (In Russian)
- Berdyayev, N.A. "Voyna i vrozhdzenie" [War and Rebirth], *Utro Rossii*, 1914, 17 August, No. 192. (In Russian)
- Budberg, A.P. *Vooruzhennye sily Rossiiskoi imperii v ispolnenii obshchesoyuznykh zadach i obyazannostei vo vremya voiny 1914–17 gg.* [The Armed Forces of the Russian Empire in the performance of all-Union tasks and duties during the War of 1914–17]. Paris, 1939. (In Russian)
- Frank, S.L. *Svet vo t'me. Opyt khristianskoi etiki i sotsial'noi filosofii* [A light in the dark. The experience of Christian ethics and social philosophy]. Minsk: Belorusskii Ekzarkhat Publ., 2011. (In Russian)
- Gertsyk, E. *Vospominaniya* [Memories]. Paris: YMCA-Press, 1973. (In Russian)
- Gippius-Merezhkovskaya, Z. *Dmitry Merezhkovsky*. Paris: YMCA-Press, 1951. (In Russian)
- Hellman, B. "Kogda vremena slavyanofil'stvovalo: Russkie filosofy i Pervaya mirovaya voyna" [When time was Slavophilizing: Russian Philosophers and the First World War], *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia: Problemy istorii russkoi literatury nachala XX veka* [Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia: Problems of the history of Russian literature at the beginning of the XX century], ed. by L. Byukling and P. Pesonen. Helsinki: Helsinki University Press, 1989, pp. 211–239. (In Russian)
- Iskander [Gertsen, A.I.]. "Pis'mo k imperatoru Aleksandru II (po povodu knigi barona Korfa)" [Letter to Emperor Alexander II (about the book by Baron Korf)], *Kolokol*, 1857, 1 October, pp. 28–31. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. "Berdyayevskaya Moskva" [Berdyayev Moscow], *Filosofskie nauki*, 2014, No. 4, pp. 65–77. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. "Filosofiya v Rossii i russkaya filosofskaya publitsistika" [Philosophy in Russia and Russian philosophical journalism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 3, pp. 17–23. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. *'Novoe varvarstvo' kak problema rossiiskoi tsivilizatsii* [The 'New Barbarism' as a problem of Russian civilization]. Moscow: IPh RAS Publ., 1995. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. *Sotsial'naya degradatsiya kak fenomen istoricheskogo protsessa (problema 'novogo varvarstva' v filosofsko-istoricheskom kontekste)* [Social degradation as a phenomenon of the historical process (the problem of the 'new barbarism' in the philosophical and historical context)], Diss. Moscow, 1994. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. *Znamenitye russkie o Florentsii* [Famous Russians about Florence]. Moscow: Nezavisimaya gazeta Publ., 2001. (In Russian)
- Karpenter, Ed. *Tsivilizatsiya, ee prichiny i izlechenie* [Civilization, its causes and cure]. St. Petersburg: I.F. Nazhivin Publ., 1906. (In Russian)
- Kolyshko, I.I. *Velikii raspad. Vospominaniya* [The Great Disintegration. Memories]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2009. (In Russian)
- Lavrov, A.V., Mal'mstad, J. & Pavlova, T.V. (eds.) *Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska* [Andrey Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence]. St. Petersburg: Feniks Publ., 1998. (In Russian)
- Lichtenberger, A. *Sovremennaya Germaniya* [Modern Germany], trans. by R.M. Margolina. Petrograd: Brokgauz-Efron Publ., 1914. (In Russian)
- Lichtenberger, A. *Sovremennaya Germaniya* [Modern Germany], trans. by N. Popov. Moscow: Sabashnikov Publ., 1914. (In Russian)

- Rapoport, S.I. "E. Carpenter. Pis'mo iz Anglii" [E. Carpenter. A letter from England], *Russkaya mysl'*, 1913, Bk. 9 (September), pp. 73-99. (In Russian)
- Vakhnenko, E.E. "Redaktsionnaya politika gazety 'Birzhevye vedomosti' v kontekste istoricheskogo sloma (iyul' 1914 - oktyabr' 1917 goda)" [Editorial policy of the newspaper 'Birzhevye Vedomosti' in the context of the historical breakdown (July 1914 - October 1917)], *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2019, No. 4, pp. 101-115. (In Russian)
- Zhukova, O.A. "Paradoksy religioznogo soznaniya: Lev Tolstoi v filosofskoi kritike Nikolaya Berdyaeva" [Paradoxes of Religious Consciousness: Leo Tolstoy in the Philosophical Criticism of Nikolai Berdyaev], *Voprosy filosofii*, 2021, No. 4, pp. 52-63. (In Russian)